

lim piety, and female dress (especially head coverings). Nozimova elaborates the particularity of the politicization of women's dress in Tajikistan suggesting, "It would be erroneous to conclude that women have accepted the hijab [in Tajikistan] from a position of weakness" (P. 272). Instead, she offers the "possibility that women also use those [religious or national] codes of normative behavior to further their interests" (P. 272). More ethnographic in nature, Miles's chapter confirms Nozimova's analysis, stating that "a woman's desire to wear a hijab is contextualized by cultural pressures, fashion trends, historical processes and current political processes," and highlights how women who wear the hijab "challenge the socio-political hegemony" (P. 298).

Each of the essays that constitute this book will undoubtedly be useful for scholars and policymakers who seek to better understand the increasingly transnational role that Islam plays in Central Asia. Taken together, however, there are few consistent themes that unite the essays into a cohesive book; a more concerted effort to put the essays in conversation with one another would have made an already rewarding collection of essays even more readable. The lack of cohesiveness is especially apparent when considering the four sections of the book; in some cases there seems to be no clear topical

linkage between the section title and the individual essay content. Moreover, as is unfortunately typical of edited volumes, the book suffers from typographical errors and other shortcomings that are substantial enough to affect the clarity of each chapter. Incomplete and inconsistent citations in each chapter are compounded by an incomplete bibliography. These technical shortcomings aside, the book makes an important contribution to Central Asian studies, especially in its treatment of contemporary Muslim identities in the region as evolving, negotiated, and largely socially grounded, in contrast to earlier analyses that tended to present Islamization exclusively as threatening radicalization.

Вера АБЕЛИНСКАЯ

Yulia Gradszkova and Sara Sanders (Eds.), *Institutionalizing Gender Equality. Historical and Global Perspectives* (Lanham, MD: Lexington Books, 2015). 272 pp. Index. ISBN: 978-1-4985-1674-7.

Книга под редакцией Юлии Градской и Сары Сандерс претендует на статус обобщающего справочного издания, представляя результаты исследований разных аспектов гендерного равенства в исторической и межстрановой сравнительной перспективе. Авторы сборника рассматривают проблему на трех уровнях: культурных и социальных предпосылок дискуссии о гендерном равенстве; политического контекста и направлений гендерной политики; и институционализации принципов гендерного равенства.

Открывающая книгу статья редакторов, посвященная интернационализации, институционализации и глобализации процесса достижения гендерного равенства, играет роль введения, размечающего карту этого исследовательского направления. В качестве отправной точки авторы обращаются к формированию международной повестки гендерного равноправия на уровне ООН, Европейского Союза и других международных органи-

заций, поддерживающих Всеобщую декларацию прав человека и Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятую в 1979 г. Парадоксальным образом, международные соглашения вовсе не отражают положения с гендерным равенством, достигнутого в странах-подписантах. Рамочный характер подобных международных документов не предполагает механизмов реализации их принципов на уровне суверенных национальных государств. Как отмечают Градская и Сандерс, эта проблема сохраняет актуальность и сегодня, несмотря на осуждение со стороны мирового сообщества, воспринимающего нарушение принципов равенства не только как проблему гуманитарного характера, но и как признак слабости и бедности.

Затем авторы переходят к обзору наиболее актуальных дискуссий вокруг этой проблемы, разворачивающихся в гендерных исследованиях. Сближение интерсекциональной и марксистской традиций гендерной социологии происходит в исследованиях гендера в развивающихся странах, где основания неравенства многофакторны и взаимосвязаны: речь идет о переплетении гендерного, экономического и этнического аспектов неравенства в общем контексте асимметричных (экс-

плуататорских по сути) отношений между странами первого и третьего мира. Кроме того, в совершенно ином социально-экономическом контексте обществ “первого мира” актуализируются дискуссии относительного гендерного равенства, его проблем, пределов и перспектив.

Предложенная авторами концептуально-пространственная “карта”, принимающая в качестве точки отсчета разделение на “три мира”, вызывает большие сомнения – почти три десятилетия спустя после завершения холодной войны и исчезновения “второго мира”. Мышление в рамках устаревших историко-политических категорий значительно ограничивает исследовательские возможности, обедняя анализ культурного, социального и политического контекста и просто компрометируя его точность. Так, в принятой авторами перспективе Россия и Казахстан характеризуются как “молодые демократии”, в то время как политические режимы в этих государствах уже не столь молоды, а локализация их по шкале “демократия – авторитария” является, как минимум, дискуссионной.

Также от установочной статьи сборника можно было ожидать более тщательной проработки ключевых для всего издания терминов гендерного равенства и

институционализации. Если с первым понятием значительных проблем в социальных науках сегодня не возникает (вариативность его интерпретаций может быть сведена к состоянию общества, при котором достигнуто равенство между мужчинами и женщинами в комплексе их прав, социальных ролей и возможностей доступа к различным ресурсам), то второе авторами трактуется чрезмерно поверхностно. Сведение понятия институционализации к закреплению принципов в любых нормах (будь то неформальные практики или формализованные акты) в ряде случаев не позволяет провести важные, фиксируемые и верифицируемые различия в процессах этого закрепления.

Следующие двенадцать глав книги сгруппированы в четыре блока, выделенные на основе наиболее важных в историческом и межстрановом разрезе проблем. Правда, реализация предложенной компоновки оставляет желать лучшего: в ряде случаев объединяющие статьи в блок проблемы или принципы кажутся слишком разнородными или даже сомнительными и устаревшими. В результате снижается эффективность проводимого компаративного анализа.

Статьи первого блока посвящены гендерному равенству в глобальной перспективе холод-

ной войны. Хайди Курвинен (*Heidi Kurvinen*) и Ванесса Д’Хоге (*Vanessa D’Hooghe*) обращают свое внимание на развитие идей гендерного равенства в Финляндии и Бельгии соответственно, а Сара Сандерс обращается к традиционной для себя теме мексиканских общественных организаций в этой сфере.

Второй блок объединяет статьи, затрагивающие вопросы реализации гендерного равенства в “множественных контекстах”: составители включили в него исследования развития модели государства всеобщего благоденствия, создания сети ресурсных центров для женщин, а также инициатив транснациональных корпораций по продвижению принципов гендерного равенства в развивающихся странах.

Третий блок объединен проблематикой трансфера международного опыта и легитимации институционализации гендерного равенства в рамках национального государства. Авторы рассматривают случаи таких разных стран, как Венгрия, Россия, Казахстан, Южная Корея и Тайвань. Разнообразные аспекты проблемы обсуждаются в общем социальном и культурном контексте.

Четвертый блок выглядит наиболее сбалансированным тематически (тем более что включает всего две статьи). Он посвящен

угрозам принципу гендерного равенства в современном мире.

По мнению уже упомянутой Хайди Курвинен, для исследования широкой общественной дискуссии вокруг гендерного равенства в Финляндии необходимо изучить публикации финских периодических изданий, подхвативших в 1960-е гг. начавшееся в Швеции обсуждение нового распределения ролей между мужчинами и женщинами. Основным источником анализа Курвинен стали подшивки за 1965–1970 гг. женского журнала “Анна”, ориентированного на молодую и образованную аудиторию, чувствительную к гендерным вопросам. Курвинен рассматривает редакционную политику “Анны” с точки зрения влияния на финское общество одновременно “Востока” (СССР) и “Запада” (США и Швеция), а также феминизма второй волны, вынужденного приспособляться к ограничениям формата коммерческого СМИ. Автор приходит к выводу, что основными вопросами гендерной повестки в материалах “Анны” были равенство на рынке труда, феномен “неженских” профессий и совмещение рабочей и домашней нагрузки финскими женщинами. Формировалась эта повестка под влиянием зарубежных дискуссий и нормативных примеров (в том числе советских женщин, преу-

спевших в достижении трудового равенства с мужчинами).

К североевропейскому опыту обращается в своей статье во втором разделе сборника и Малин Линдберг (*Malin Lindberg*). Она пишет о значимости женских ресурсных центров, которые начали создаваться в Швеции в 1990-е гг. Эти организации сыграли важную роль не только в поддержке женщин в сельской местности, но и в продвижении демократизации. Они обеспечивают гендерное равенство и равномерное участие граждан в процессе выработки и реализации политических решений в масштабе всей страны. Программы развития подобных центров, в том числе при государственной грантовой поддержке, со временем были распространены на территории всего ЕС.

Ванесса Д'Хогс продолжает обсуждение проблемы равных трудовых прав (центральной для статьи Курвинен) и исследует первый случай применения Статьи 119 Римского договора 25 марта 1957 г. Эта статья закрепляет правило равной оплаты труда мужчин и женщин, что является важным условием достижения гендерного равенства. Важнейшим событием в первое время существования этого акта стал успешный судебный иск в 1977 г. стюардессы бельгийской авиакомпании "Сабена" Габриэль Дефренн о признании

незаконной разницы в оплате труда в 20% между ней и стюардом-мужчиной на аналогичной должности. По мнению автора, успех иска стал возможен благодаря широкой общественной поддержке, массовым выступлениям и давлению мощных профсоюзных организаций. Д'Хогс считает, что важнее самого судебного дела оказался связанный с ним опыт правового взаимодействия между странами Европейского Союза и появление наднациональной гендерной политики.

Самостоятельным сюжетом статьи является сам вопрос о женской занятости в области обеспечения воздушных перевозок. Являясь частью команды воздушного судна, женщины-стюардессы отвечают не только за безопасность пассажиров, но и за комфорт их пребывания на борту. Именно последний довод часто становится ключевым при формулировании дискриминационных требований к кандидатам на эту должность, главным из которых является привлекательная внешность, молодой возраст и отсутствие семьи. Автор приходит к выводу, что роль резонансных судебных разбирательств – не столько непосредственное улучшение положения дискриминируемого лица или группы, сколько предоставление повода для начала дискуссии или создания специ-

ализированных общественных организаций.

Другую сторону взаимоотношений крупного бизнеса с принципом гендерного равенства освещает исследование Софи Торнхилл (*Sophie Tornhill*). Она анализирует опыт крупных компаний (в первую очередь, транснациональных корпораций Кока-Кола и Вол-Март) в реализации проектов корпоративной социальной ответственности. Традиционно считалось, что, ориентируясь исключительно на получение сверхприбыли, подобные корпорации лишь в минимальной степени участвуют в социальных программах по улучшению жизни граждан в тех странах, где они производят и реализуют товары и услуги. Однако выяснилось, что Вол-Март реализует программу курсов предпринимательства для женщин в Мексике (*Mujer, cuenta con nosotros*), а Кока-Кола поддерживает глобальную программу 5by20, направленную на улучшение жизни 5 миллионов женщин в 100 странах к 2020 году. Автор отмечает важность этих программ не только для повышения самодостаточности и достижения экономического роста в этих обществах, но и для формирования новой идентичности и структуры социальных ролей. В результате

инициативность, продуктивность и способность к самообеспечению перестают восприниматься как исключительно мужские привилегии (ведь одной из причин гендерного неравенства в экономике является укоренившийся в обществе культурный стереотип, что рынок – это исключительно сфера активности мужской части населения).¹

Тема гендерного равенства в Мексике центральна и для статьи Сары Сандерс, которая подходит к ней через изучение деятельности профильных общественных организаций. Национальный союз мексиканских женщин был создан в 1964 г. как аффилированный с Мексиканской коммунистической партией. Традиционно подобные организации являются для партийных структур не более чем союзниками, однако Сандерс приходит к выводу о значимой роли Союза не только во внутрипартийной дискуссии, но и в общественно-политическом пространстве Мексики в целом. В первую очередь, это объясняется способностью Союза объединить образованных женщин, женщин-работниц и сельскохозяйственных работниц и стимулировать пересмотр социальных ролей мексиканских женщин в целом. Новшеством Со-

¹ Ср.: Е. Б. Мезенцева. Гендерные аспекты деятельности в неформальной экономике // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О. А. Ворониной. Москва, 2001. С. 163-184.

юза была интерпретация равных прав и отсутствия дискриминации по гендерному признаку как части общегражданских прав, а также требование реального воплощения деклараций международных организаций в национальном законодательстве. Это способствовало не только ряду достижений в области равной оплаты труда или прав на владение землей мексиканскими женщинами, но и более фундаментальным переменам – их включению в жизнь нации. Значимость общественных организаций и движений подчеркивается и в исследованиях причин успеха гендерного равенства в США, где массовое женское движение сформулировало запрос на реформирование политики в этой области.²

В своей статье Хайке Калерт (*Heike Kahlert*) доказывает, что гендерное равенство не только помогает экономическому росту, но и способно улучшить демографическую ситуацию в странах Европы. Этот тезис достаточно

очевиден: потребности государства в женщине (а это основная дискриминируемая группа при нарушении принципа гендерного равенства) как носителя человеческого капитала не ограничиваются лишь потребностью в трудовой единице. Улучшение демографических показателей, в частности, увеличение рождаемости³ не менее важно в условиях естественного старения населения и связанных с этим экономических проблем “стареющего” государства всеобщего благоденствия.⁴ Связь между гендерным равенством и улучшением демографической ситуации зафиксирована в Дорожной карте равенства между мужчинами и женщинами, принятой Еврокомиссией. Она предполагает выстраивание новой модели семьи, в которой на рынке труда присутствуют оба партнера и оба же участвуют в деятельности по уходу за детьми, что помогает снизить “неравенство внутри домохозяйства” как ключевой аспект гендерного неравенства.⁵

² См.: Л. Н. Попкова. Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) // Там же. С. 222-236.

³ См.: Peter McDonald. Gender Equity, Social Institutions and the Future of Fertility // *Journal of Population Research*. 2000. Vol. 17. No. 1. Pp. 1-16.

⁴ См.: В. Э. Абелинскийте, В. Е. Ганьшина. Женщина в современной России: государственная политика и общественный дискурс // Политическая наука перед вызовами современной политики: Сборник материалов VII Всероссийского конгресса политологов / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунува, Л. Н. Тимофеевой. Москва, 2015. С. 37-38.

⁵ Jennifer Hook. Gender Inequality in the Welfare State: Sex Segregation in Housework, 1965–2003 // *American Journal of Sociology*. 2010. Vol. 115. No. 5. P. 1480.

Необходимость анализа неевропейских сообществ в контексте достижения гендерного равенства доказывает в своей статье Илдико Морелл (*Ildikó Asztalos Morell*). Она последовательнее других авторов сборника использует положения интерсекциональной гендерной теории, изучая деятельность цыганских женщин в Венгрии. Эта социальная группа дискриминируема по целому ряду оснований: как гендерному, так и национальному, что позволяет характеризовать данную группу как маргинализованную. Автор отмечает феминизацию бедности среди цыган в результате провала экономической трансформации, безработицы и деиндустриализации Венгрии. Она также фиксирует сложную ситуацию с домашним насилием и дискриминацией, которым эти женщины подвергаются внутри своей этнической общности. Экономическая маргинализация цыганских женщин не является чем-то специфическим по сравнению с российской и общемировой: в то время как женщины составляют большинство населения и почти половину трудовых ресурсов, они отнюдь не являются активными акторами социально-экономических пре-

образований.⁶ Морелл в своем исследовании солидаризируется с исследователями, отмечающими значительную роль низовых общественных организаций в решении проблем гендерного неравенства, а также обращает внимание на важность преобразования государства всеобщего благоденствия в экономическую систему, гарантирующую защиту и права наиболее уязвимым группам.

Статья Светланы Шакировой (*Svetlana Shakirova*) уделяет особое внимание роли международных акторов в процессе достижения гендерного равенства в современном Казахстане. И хотя выводы автора относительно успехов Казахстана в этом вопросе кажутся чрезмерно оптимистичными, представляется обоснованным тезис о ключевой роли международных организаций в институционализации общественных движений за равноправие. Правда, реальные изменения в сфере гендерного равенства отстают от масштабов деятельности всех этих организаций. Причины этого автор видит в особенностях политического дискурса в современном Казахстане, сохраняющего сексизм и патриархальную дискриминацию.

⁶ См.: З. А. Хоткина. Гендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения // Гендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М. М. Малышевой. Москва, 1996. С. 74-83.

Статьи Татьяны Барандовой (*Tatiana Barandova*) и Чанг-Линг Хуанг (*Chang-Ling Huang*) также посвящены специфике локализации глобальных подходов к достижению гендерного равенства: в регионах России (Барандова) и двух странах Юго-Восточной Азии – Южной Корее и Тайване (Хуанг).

Барандова показывает, как гендерная проблематика вписывается в общую повестку прав человека и их защиты. По ее мнению, из-за отсутствия в современной России антидискриминационного законодательства, а также в силу формальных и неформальных ограничений деятельности Уполномоченного по правам человека на всех уровнях государственной власти, правозащита оказывается уделом специализированных общественных организаций. Автор делает вывод об отсутствии связи между типом регионального политического режима и уровнем представленности женщин в региональных и местных органах власти. От представительства женщин напрямую зависит проведение в регионах гендерно чувствительной политики.

Анализ современной российской политики в области гендерного равенства содержится и в статье Юлии Градской. Градская подчеркивает традиционалистские установки политического руководства России в этом вопросе, которые вступают в противоречие с деятельностью некоммерческих организаций, ориентирующихся на достижения стран Северной Европы (которые, правда, сталкиваются со своими проблемами в области гендерной политики).⁷ Изменения в государственной политике современной России автор характеризует как “патриархальный поворот”. Этот вывод мог выглядеть еще убедительнее, если бы опирался на исследование современных российских тенденций в области семейной политики и политики в области сексуальности. Именно они в значительной степени воплощают отказ от реализации принципов гендерного равенства в РФ.⁸

В свою очередь, Чанг-Линг Хуанг обращает внимание на уже институционализированный в ряде стран мира механизм по достижению гендерного равенства – квотирование по-

литического представительства женщин в органах государственной власти. Этот механизм применяется не только в странах Северной Европы, но и в Латинской Америке и Африке. Южная Корея и Тайвань также применяют механизм квотирования: в условиях смешанной избирательной системы не менее половины от представленных в партийных списках членов политических партий должны быть женщинами. Однако мажоритарная часть смешанной избирательной системы в Корее корректирует итоговое гендерное распределение, в то время как в Тайване особенности политического процесса обуславливают более высокий уровень представленности женщин в парламенте по сравнению со странами с аналогичной системой электоральных правил. Эти различия оцениваются автором с поправкой на исторический и политической контекст этих обществ: в то время как для Кореи 9% квотированных мест для женщин в парламенте – большое достижение реформы 2004 года, для Тайваня 15% квотированных мест – скорее, политический и социальный регресс.

Завершает сборник статья Ан Ван Ремдонк (*An Van Raemdonck*), посвященная сложностям в реализации принципа гендерного равенства в современном Египте. Масштабная политическая транс-

формация, связанная с событиями Арабской весны, не оказала значительного воздействия на прогресс гендерных отношений. Консервативная политика “Братьев-мусульман” базировалась на религиозных принципах, несовместимых с равенством мужчин и женщин. И хотя политические изменения последних лет несколько облегчили борьбу с дискриминацией по гендерному признаку, основными задачами в этой сфере в современном Египте остаются самые базовые из возможных: защита женщин от домогательств и – более того – от физического насилия.

Однако если отстраниться от нормативной ментальной карты “цивилизаций” и обратиться к статистике преступлений и тематике общественных дискуссий, можно прийти к обескураживающему выводу. Те же самые проблемы, которые привычно связываются с обществами “третьего мира”, остаются наиболее актуальными в публичной повестке большинства стран, которые авторы сборника называют “первым миром”, – несмотря на действительно выдающиеся достижения стран Запада в сфере гендерного равноправия. Причина этого глобального явления, нивелирующего многие аспекты локального разнообразия, заслуживает специального исследования.

⁷ См.: Annette Borchorst and Mari Teige. Political Intersectionality: Tackling Inequalities in Public Policies in Scandinavia // *Kvinder, Køn & Forskning*. 2010. No. 20. Pp. 19-28.

⁸ См.: Zhanna Chernova. New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2012. Vol. 1. No. 1. Pp. 75-92.